

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2018.5.20>

UDC 94(479.2)“07/08”
LBC 63.3(4Бол)5

Submitted: 01.08.2018
Accepted: 12.09.2018

EMERGENCE AND DEVELOPMENT OF OLD BULGARIAN HISTORICAL APOCALYPTICS IN THE 11TH–12TH CC. ¹

Dmitriy I. Polyvyanny

Interuniversity Center of Education in Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation

Abstract. Introduction. The author analyzes the complex (cycle) of historical apocalyptic works compiled in medieval Bulgaria under the Byzantine domination (1018–1186). The cycle includes interpolated Slavonic translations of prophecies about the End of days popular in the Eastern Orthodox world (*Revelation by St. Methodius of Patara*; apocryphal *Visions of prophets Isaiah and Daniel*). These works are considered as specific Bulgarian kind of history writing.

Methods. The author reveals the methods of interpolating and compiling the above mentioned works and analyzes the contents of the interpolations in three fields – sacral geography, apocalyptic prosopography and historical reminiscences. As a whole, these interpolations allow to judge on the Bulgarian spiritual culture and literature under the Byzantine domination and on the contents of the historical memory preserved among ordinary Bulgarian clergy of the Archbishopric of Ochrid.

Analysis. Bulgarian toponyms, names of Bulgarian rulers and reminiscences of their deeds in the mentioned works were defined by the reflections of their authors on Bulgarian history and current military, political and social cataclysms being reconsidered against the background of growing acute apocalyptic expectations. Thus, the historical apocalyptic works apart and the whole cycle were open for further additions and changes as well as to new interpretations of the permanent contents.

Conclusion. The cycle of the historical apocalyptic works created in the Bulgarian lands in the 11th c. in the situation of common for Bulgarians and Greeks apocalyptic expectations and represented the image of common Byzantino-Bulgarian destiny after 1018. By the same time the prophecies on places and actors of the apocalyptic events were re-oriented to Bulgarian lands and supplemented with reminiscences of the few events and persons from Bulgarian history known to the compilers of these works.

Key words: medieval Bulgaria, Byzantium, historical memory, historical apocalyptic works, sacral geography, the Last Emperor.

Citation. Polyvyanny D.I. Emergence and Development of Old Bulgarian Historical Apocalypics in the 11th–12th CC. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4, Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2018, vol. 23, no. 5, pp. 219–229. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2018.5.20>

УДК 94(479.2)“07/08”
ББК 63.3(4Бол)5

Дата поступления статьи: 01.08.2018
Дата принятия статьи: 12.09.2018

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ДРЕВНЕБОЛГАРСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ АПОКАЛИПТИКИ В XI–XII ВЕКАХ ¹

Дмитрий Игоревич Польшянный

Межвузовский центр гуманитарного образования, Ивановский государственный университет,
г. Иваново, Российская Федерация

Аннотация. Введение. В статье анализируется комплекс (цикл) историко-апокалиптических сочинений, составленных в средневековой Болгарии под византийской властью (1018–1186). Цикл включает интерполированные славянские переводы пророчеств о конце света, популярных в восточно-православном мире («Откровение Мефодия Патарского», апокрифические «Видения» пророков Исаии и Даниила). Эти сочинения считаются особой древнеболгарской формой историописания.

Методы. Автор раскрывает способы внесения интерполяций в переводы греческих сочинений и рассматривает содержание интерполяций в трех направлениях: сакральной географии, апокалиптической просопографии и исторических реминисценций. В целом интерполяции позволяют судить о состоянии болгарской духовной культуры и книжности под византийской властью и о содержании исторической памяти, сохранявшейся в среде низшего болгарского духовенства Охридской архиепископии.

Анализ. Болгарская топонимика, имена болгарских государей и реминисценции их деяний в рассматриваемых текстах определялись рефлексией авторов по поводу текущих военных, политических и социальных катаклизмов, переосмысливаемых на фоне обострившихся апокалиптических ожиданий. Таким образом, историко-апокалиптические сочинения по отдельности и цикл в целом были открыты для дальнейших дополнений и изменений, как и для новых интерпретаций постоянного содержания.

Вывод. Цикл историко-апокалиптических сочинений, возникший в болгарских землях в XI в. в обстановке общих для болгар и греков апокалиптических ожиданий, выражал представления о слитности судеб Византии и Болгарии после 1018 года. В то же время пророчества о местах и действующих лицах апокалиптических свершений были переориентированы на болгарские земли и дополнены реминисценциями немногих событий и персонажей болгарской истории, известных составителям этих сочинений.

Ключевые слова: средневековая Болгария, Византия, историческая память, историко-апокалиптические сочинения, сакральная география, «последний царь».

Цитирование. Польшвинный Д. И. Возникновение и развитие древнеболгарской исторической апокалиптики в XI–XII веках // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2018. – Т. 23, № 5. – С. 219–229. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2018.5.20>

Введение. Комплекс историко-апокалиптических сочинений, возникший в Болгарии не позднее конца XI – начала XII в., считается уникальной и важнейшей частью ее средневековой книжности [11; 13]. В него входят интерполированная версия «Откровение Мефодия Патарского» (далее в тексте ОМП) [22, с. 167–173], «Видение Даниила пророка о царях, о последних днях, и о кончине века» (ВД) [22, с. 118–124], «Толкование Даниилово» (ТД) [22, с. 125–127] и «Сказание святого Исаии пророка о будущих летах, о царях, и об Антихристе, который будет» (СИ) [22, с. 150–154]. Еще в конце XIX в. на эти тексты (кроме СИ, открытого в начале 1980-х гг.) обратили внимание российские и зарубежные слависты, труды которых сочетали филологические и исторические подходы [10; 12]. В исследованиях первой половины XX в. историко-апокалиптическая книжность рассматривалась в контексте распространения в Болгарии богомилства [8], а в 1950–1970-е гг. внимание исследователей привлекало прежде всего отражение в ней массовых представлений о социальных бедствиях, политических и военных событиях отдельных эпох [5]. В последней трети XX в. этими сочинениями заинтересовались не только болгарские и российские слависты, но и исследователи византийской апокалиптики [25; 30]; были выпущены в свет

критические издания и антологии переводов на английский и болгарский языки [22; 32]. В наше столетие изучение исторической апокалиптики стало одним из трендов исследования культуры европейского и средиземноморского Средневековья [28], что позволяет рассмотреть древнеболгарские историко-апокалиптические сочинения на более широком сопоставительном фоне.

На наш взгляд, для адекватной интерпретации раннего комплекса болгарских историко-апокалиптических сочинений² особенно важно, во-первых, выяснить отличия идейного содержания и топики болгарских редакций от первоначальных славянских переводов с греческих литературных образцов, и, во-вторых, выделить особенности исторической обстановки и социально-культурной среды, в которых создавались эти редакции. Эти вопросы и будут рассмотрены в настоящей статье.

Методы. Как отмечает А. Милтенова, историко-апокалиптические произведения «компилировались и переводились, чтобы предложить интерпретации болгарской истории и подчеркнуть положение болгарских государей среди правителей других христианских царств» [31, р. 707]. Целью этого, по мнению исследовательницы, было «дать отпор чуждому господству, идеализируя болгарское прошлое и отражая восстания против визан-

тийской власти» [22, с. 25]. М. Каймакамова распространяет на весь комплекс сочинений введенное Й. Ивановым условное название «апокрифические летописи» и подчеркивает, что «они отличаются ярко выраженным патриотизмом, ставшим основной опорой сознания болгар как народа в XI–XIII вв.» [11, с. 507]. На наш взгляд, анализ поэтапного формирования данных текстов позволяет существенно откорректировать этот вывод.

Нередко историко-апокрифические сочинения трактуются как своеобразные «ребусы», в которых образованные и информированные средневековые книжники намеренно «шифровали» известные им исторические сведения, используя ветхозаветные и апокалиптические образы, чтобы запутать своего будущего читателя [17, с. 82–84]. Аналогичными издержками, на наш взгляд, характеризуются нумерологические объяснения времени и обстоятельств создания этого рода произведений или попытки «расшифровки» хронологических данных, например, сроков правления или жизни государей, приводимых их составителями [18]. Разделяя в целом мнение, что христианская апокалиптика «является плодом страданий, а не академических упражнений» [24, с. 303], автор, тем не менее, считает важным установить механизмы «присвоения» византийских апокалиптических произведений древнеболгарской книжной традицией.

В новейших трудах болгарских медиевистов содержание историко-апокалиптических сочинений интерпретируется через художественный язык, основанный на ветхозаветной поэтике и топике, которым посвящены работы И. Билярского и о. Николая Шиварова [2; 23; 24]. А. Николов обратился к интересующим нас текстам как источникам сведений об «историческом сознании и политической мысли болгар в последние десятилетия существования Первой болгарской державы и первых десятилетий византийской власти» [16]. Исследование основных представлений («топосов») ранней болгарской исторической апокалиптики в широком сравнительно-историческом контексте предпринято Ц. Степановым [19]. В данной работе сделана попытка дополнить анализ идейного и художественного содержания произведений установлением отдельных методов их «монтажа» в простран-

ственных, временных и просопографических измерениях болгарской истории.

А. Милтенова, уточнив термин «цикл», примененный Э. Георгиевым [4, с. 264] к историко-эсхатологическим текстам в составе Драголева сборника второй половины XIII в.³, назвала комплексы таких текстов, объединенных временем и обстоятельствами их создания, «циклами историко-апокалиптических произведений». Приняв, что такой цикл может быть представлен как в одной рукописи, так и в разновременных списках входящих в него отдельных произведений, она вывела понятие цикла историко-апокалиптических произведений из области текстологии в поле литературной и культурной истории. Помимо интересующего нас цикла был выделен еще один, датируемый концом XII – серединой XIII в. [22, с. 24–26]; накапливается материал по третьему циклу сочинений, формировавшемуся во время османского завоевания Балкан и приобретшему общеславянский характер [14]. На материале раннего комплекса сочинений мы развиваем понятие «цикл», вводя тезис о цикличности формирования древнеболгарской историко-апокалиптической традиции в целом, и раскрываем отдельные механизмы складывания цикличности.

Анализ. Основу для формирования цикла историко-апокалиптических сочинений составили переводы аналогичных греческих текстов, сделанные, как считает большинство авторов, в X в. (для ТД первоначальный греческий текст пока не установлен). После падения первого Болгарского царства под власть Византии эти переводы активно использовались для интерполяции и составления из их частей новых редакций.

Так, ОМП в версии Драголева сборника сокращено за счет вводной исторической части, что акцентирует внимание на апокалиптических пророчествах, а исключение панегирика Византии освобождает место для болгарской версии конца времен. Пророчество об изобилии золота продолжено описанием встречи двух братьев, отправившихся навстречу друг другу от Средца и Солуни по основному направлению болгаро-византийских войн конца X – начала XI в. в дни «воздыхания великого и неутешного от всей неправды» [10, с. 140]. Эта интерполяция привязывала апо-

калиптические знамения к «оси» Солунь – Средец и помещала оба центра в политико-географических координатах «конца света», открывая возможности для дальнейшей локализации апокалиптических событий в болгарских землях. Апокалиптические события, таким образом, переносились на локальный уровень, и содержание пророчества, соответственно, акцентировало не политические и военные катаклизмы, а социальные бедствия.

Аналогичные способы «картографирования» апокалипсиса в болгарских землях представлены в двух других сочинениях, тематически и текстологически связанных с ОМП. В ВД войска двух «мучителей», идущих навстречу друг другу по древнему пути *Via Egnatia* «от того града» (Солуни) с востока и от Главиницы на западе, встречаются «на месте, нарицаемом Акродуний» [22, с. 119]. При переосмыслении в процессе перевода название квартала Сиракуз, упоминавшееся в греческих прототипах ОМП и ВД, было соотнесено с лежащим на этом пути Охридом [10, с. 263] – последней столицей Болгарского царства в 1018 г., где ВД также локализует помазание на царство не названного по имени государя [22, с. 129].

Сакральная картография болгарского запада увязывается в этих текстах с мировым Апокалипсисом, а затем уточняется через местные топонимы (Главиница, Перник, Вельбужд, Струмица) и места битв (поля Едрило или Адрино, Овче и Грахово, окрестности Средца и Скопле, берега Дуная). На пересечении балканских, а с ними и мировых осей помещается Средец, локальная топонимика окрестностей которого (Бояна, Витоша, Мрака) также приобретает апокалиптические акценты.

Согласно СИ, из Средца на четыре стороны света двинутся войска тридцать седьмого царя-мучителя Гордия Чигочина, а в горе Витоша найдут убежище «святые отцы от земли Болгарской» [22, с. 150] (ТД говорит о святых «от всех земель» [22, с. 125–126]). К святым обратится за помощью, чтобы победить Гордия, «войско» противостоящего мучителю «царя Гагена» – «патриархи, и епископы, и монахи, и попы» [22, с. 150]. «Святая и прекрасная телом» девица выведет из горы триста святых отцов, которые

«поведут Гагена за правую руку» и благословят на битву при находящемся близ Средца двуестом колодце [22, с. 119, 150]. Продолжает сакральную топографию болгарского запада предсказание о Струмице и Главинице, которые «нарекуются матерью всех земель» и из которых «рассеются все языки по всей земле» [22, с. 126].

Во времена Комитопулов⁴ земли от Дуная до Эпира и Фессалии и от Средца до Драча, где погиб в 1018 г. последний царь из этой династии – Иоанн Владислав, составляли главный театр болгаро-византийских войн правления Василия II, а в 1040–1041 гг. эту территорию охватило восстание Петра Деляна, стремившегося восстановить Болгарское царство. Насыщая апокалиптическими акцентами топонимику, связанную с «местами памяти» эпохи болгаро-византийских войн последней четверти X – начала XI в., рассматриваемые сочинения помещали болгарские земли в центр событий близкого конца света.

В апокалиптическом плане особенно важен сюжет о «последнем царе», чье правление должно предшествовать второму пришествию Христа. От упоминания имени Михаил в ОМП сюжет вырастает в других текстах цикла в развернутое повествование, а рассеянные по отдельным сочинениям черты Михаила складываются в общий образ последнего царя. Михаил будет послан Богом (в более поздней версии СИ, также содержащейся в Драголевом сборнике, его выведет из храма Св. Софии сам архангел Михаил) [22, с. 233]). По версии ВД того же сборника, «Михаил царство возьмет... и войдет он в Солунь с запада, и будет держать царство свое всей силой, и смирит врагов своих под ноги свои» [22, с. 120].

Развернутое повествование о Михаиле в СИ перекликается с ТД реинтерпретацией отдельных образов или введением на их место других, восходящих к болгарским историческим персонажам. Числовое значение первой буквы имени «последнего царя» в кириллице и в греческом алфавите совпадает с сороковым местом Михаила в ряду апокалиптических государей. Он восстанавливает погубленные его предшественниками три земных царства – Болгарское, Греческое («Новый Иерусалим») и Римское, возлагает на

себя венец царя Константина, а затем возвращает его к Кресту Господню и предаёт Господу дух накануне пришествия Антихриста.

Сам Михаил, который заместил безымянного византийского императора первоначальных греческих текстов, в СИ и ТД назван каганом, то есть титулован наравне с государями аваров и хазар [19, с. 251–268]. Как предполагает Ц. Степанов, именование последнего царя Михаилом можно объяснить пребыванием на троне Византии с 1034 по 1077 г. четырех обладателей этого имени [19, с. 270–271]. Его образ складывается из упоминаний о «Михаиле князе великом» в библейской книге пророка Даниила [7, с. 142, 146, 166] византийских представлений о последнем царе и фрагментов исторической памяти о государях Болгарии [3]. Так, возможна контаминация образа последнего царя с памятью о сыне царя Петра и византийской принцессы Марии-Ирины Борисе II («Отец же его болгарского рода, а мать – греческого рода») [22, с. 99]. После падения Преслава в 971 г., когда правнук и соименник крестителя Болгарии Бориса-Михаила был лишен царского достоинства и увезен в Константинополь, к апокалиптическим представлениям могло добавиться и ожидание чудесного возвращения царя и восстановления Болгарского царства [18].

В ТД содержится уникальный фрагмент, прямо вписывающий Михаила в ряд болгарских государей X в.: «И когда настанет начало конца всему миру, восстанет Михаил каган в болгарях. Не дано же болгарам царство, но насилем принято... Симеон удержит [власть] 30 лет, а по нему Петр» [22, с. 125]. Не вдаваясь в частные интерпретации содержания фрагмента, отметим последовательные упоминания о трех государях Болгарии – Борисе-Михаиле (852–893), его сыне Симеоне (893–927) и внуке Петре (927–970). В СИ Симеон «Премудрый», представлен как предшественник Михаила, который «приимет землю Болгарскую, войдет в Новый Иерусалим и дойдет до Золотых ворот», где и падет [22, с. 151].

В версии СИ, текстологически близкого Драголеву Беляковского сборника (с учетом интерполяции поздней рукописи, хранящейся в Центре византийско-славянских исследований имени акад. Ивана Дуйчева в Софии), ряд болгарских государей продолжают Комитопу-

лы: «И ослабеет же царь тот немощью злой и предаст душу свою. Тогда друг рог восстанет от семени его, сын его Гавриил, маловременен паче всех. Друг рог восстанет, имя ангелово Владислав, займет престол его» [22, с. 151]. На не названного по имени отца Гавриила – Самуила (976–1014), который скоропостижно скончался от сердечного приступа после поражения от войск императора Василия II в горном массиве Беласица 29 июля 1014 г., перенесено описание смерти соправителя императора Никифора I Ставракия (26 июля – 2 октября 811 г.). «Маловременный» Гавриил правил менее года после смерти отца (1014–1015) и был убит двоюродным братом Иоанном Владиславом – последним государем первого Болгарского царства (1015–1018). Парадоксальным образом корреспондирует со вставкой вобравшая многие фрагменты балканской исторической памяти XI в. латинская «Летопись попа Дуклянина», где Иоанн Владислав назван «ангелом Сатаны» (*angelus Satanae*) [1, с. 69; 29, р. 138].

В ряду болгарских государей особое место занимает «царь Гаген» или «Одолян» – вождь восстания 1040–1041 гг. Делян, принявший имя царя Петра. В ТД он сражается с «измаильтянами» и «русскими брадами» – византийскими наемниками-варягами. СИ помещает «Гагена» 38-м в ряд царей и подробно описывает его битвы с «измаильтянами» и «русскими брадами», которые завершаются разгромом и гибелью Деляна на Едреном поле, получающем в память о последней битве название Костяного [22, с. 150–151].

При изучении данного цикла историко-апокалиптических текстов первостепенное значение имеют мотивы и обстоятельства их создания и кодификации. Переводы с греческого их прототипов, сделанные еще в первом Болгарском царстве, прошли через руки нескольких поколений книжников XI–XII вв., которые могли по-разному интерпретировать тексты и, следовательно, переосмысливать их по-своему, не изменяя и не дополняя. В то же время открытость для дополнений основных апокалиптических сюжетов – знамений, нашествий, битв, правлений последних государей – способствовала введению в них болгарских реалий.

Среди последних преобладают «узнаваемые» топонимы и имена, относящиеся к

«болгарской земле», семь раз упоминаемой в СИ. В ТД трижды упомянуты болгары (также упомянуты в СИ) и «болгарский род». Среди косвенных реминисценций истории первого Болгарского царства следует назвать описание выплаты Михаилу дани римлянами в ТД, совпадающее со сведениями византийского словаря «Суда» о дарах Юстиниана II болгарскому хану Тервелу («сыпать золото на стоящий бич и класть одежды на воткнутое копье») [22, с. 125]; «обратное пророчество» о времени перед вступлением на престол Симеона («Тогда восстанет брат на брата, и град на град, земля на землю») [22, с. 125] и др.

Как отметил Т. Моллов, за этими реминисценциями стоят не «богатые исторические (в современном смысле) познания, в которых при необходимости компилятор легко отыскивал болгарский аналог», а «“модель” понимания заполняющих время событий и связанных с ними личностей (то есть история)» [15]. Добавим, что эта «модель», не отделяющая болгарских царей от ромейских императоров, соответствовала идеологии первых десятилетий византийской власти, когда Василий II полагал, что «впряг два народа в одно ярмо» [9].

Выводы. Мотивы создания историко-апокалиптических текстов определялись прежде всего постоянным присутствием эсхатологических представлений в сознании болгарских книжников. В то же время эсхатологические ощущения могли обостряться в связи с предсказаниями наступления конца света по «преполовлению седьмой тысячи» (6500/992 г.)⁵ на фоне войн болгар с Василием II, падения Болгарского царства в 1018 г., выступления Петра Деляна в 1040–1041 гг., нашествий варягов, кочевников в XI в. и др. Создание историко-апокалиптических текстов в этих условиях представляется послойным и накопительным, а включение в них болгарских реалий, расширение и акцентирование информации о них могли происходить по мере осознания авторами текущих событий как апокалиптических знамений.

Это обусловило поэтапность формирования раннего цикла историко-апокалиптических произведений. Гибель детронированного в Константинополе последнего болгарского царя Бориса II (977); начало войн Комитопулов с Василием II (978), явление кометы (985) и

другие события конца X в. создали условия для роста интереса к древнеболгарским переводам византийских историко-апокалиптических сочинений [15; 18; 19; 24]. Второй всплеск, закрепивший историческую апокалиптику как своеобразный «жанр» древнеболгарской литературы, пришелся на середину XI в., когда за восстанием Петра Деляна (1040–1041) последовало разорение болгарских земель от походов варягов и набегов печенегов, сопоставленных книжниками с еще одним знамением «конца времен» – нашествием «нечистых народов» [19, с. 219–230].

В то же время повод для появления новых или дополнения существующих сочинений этого жанра давали не сами прошедшие или текущие события, а их проекция на апокалиптические настроения. Как пишет Л. Ди Томмазо, «первостепенная функция любого апокалиптического рассмотрения истории (review of history) – выявить в истории значимые события, с помощью которых автором осознаются и ситуация в настоящем, и грядущие события конца времен» [27, р. 415]. По мнению Дж. Бон, византийские апокалиптические сказания «часто перерабатывались, и каждая новая версия фиксировала особый момент в моральной, социальной и ритуальной жизни сообщества, в котором она была написана» [26, р. 3–4]. Эти обстоятельства предопределили многослойность рассматриваемого комплекса историко-апокалиптических сочинений – текущие события побуждали вновь обращаться к описаниям конца света и вносить в них новые имена и события.

Включению нового материала в апокалиптические повествования способствовала открытость составлявших их структурных элементов-топосов: описаний битв с «нечистыми» народами; имен и характеристик участников и мест сражений; историй возвышений и падений царств и царей; перечислений насылаемых Богом испытаний и бедствий, и пр. Введение в текст болгарских топонимов происходило в несколько этапов: 1) глоссирование на полях первичного перевода; 2) дублирование греческих и болгарских названий в строках; 3) окончательное утверждение в новых списках сочинений. Такая последовательность перекладывала функцию смыслового оформления текста с переводчика на перепис-

чика-редактора. Пытались ли древнеболгарские книжники в историко-апокалиптических сочинениях «применить чужое содержание к своей жизни», как писал В.М. Истрин [10, с. 238]? В свете сказанного выше их посыл выглядит иным – скорее, они стремились подкрепить своими аргументами сложившуюся модель общей судьбы Болгарии и Византии накануне апокалиптических свершений.

Исследователи ранних древнеболгарских историко-апокалиптических сочинений солидарны в том, что местом их возникновения были монастыри западно-болгарских земель, а средой создания – братия этих обитателей. Вслед за Рильским монастырем, основанным одним из первых болгарских пустынножителей – св. Иоанном Рильским в X в., в XI–XII вв. на западе Болгарии были созданы обители в память его последователей святых Гавриила Лесновского, Прохора Пчиньского и Иоакима Осоговского, которые почитались вместе с рильским отшельником как его собратья. Их жития и службы, как и сочинения историко-апокалиптического цикла, взаимосвязаны, характеризуются особым вниманием к местной топонимике и содержат апокрифические мотивы [6]. Переход западноболгарских земель под юрисдикцию Болгарской (Охридской) архиепископии, которая была образована на территории завоеванной Василием II Болгарии, сопровождался «византизацией» большого сегмента славянской книжности, связанной с наследием святых Климента и Наума Охридских и с деятельностью болгарских анахоретов X–XI веков. Можно предположить, что параллельно и в известной мере в противовес этому низовое духовенство западно-болгарских горных монастырей под влиянием апокалиптических настроений сформировало особую «региональную криптокультуру», частью которой были историко-апокалиптические сочинения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-01-00302-ОГН «Историзм, историческая культура и историописание в болгарской книжности Средневековья и раннего Нового времени».

The research has been funded by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project 17-01-

00302-OGN “Historicism, historical culture and historical writing in the Bulgarian literary works of the Middle Ages and Early Modern time”.

² Самый ранний цикл древнеболгарских историко-апокрифических сочинений, по мнению А. Милтеновой, объединяют «базисные» переводы греческих сочинений (прежде всего «Откровение Мефодия Патарского» и связанных с ним «Видений» пророков Даниила и Исаии) и древнеболгарские интерполированные редакции этих переводов. Оригинальным болгарским памятником большинство авторов считает «Сказание пророка Исаии» («Болгарскую апокрифическую летопись») [9; 22, с. 192–206]. В данной статье это сочинение, содержательно и текстологически связанное с исследуемым циклом, не рассматривается. Единственный список начала XVII в. не позволяет уверенно судить о первоначальной редакции текста, в котором содержатся идеи и образы, созвучные широкому кругу балканских сочинений XI–XVII вв. [2; 20].

³ Сборник, подписанный именем «пресвитера Василия, зовомого поп Драгол», – это небольшой (140 × 100; 272 л.) кодекс сербского письма с запутанной историей. Обнаруженный в доме священника в Скугари (Шкодре) в 1875 г. сербским собирателем старины П. Сречковичем и впоследствии утерянный, сборник нашелся после второй мировой войны в ФРГ и был выкуплен для Народной библиотеки в Белграде, где и хранится (РС № 651). Датируется в диапазоне от начала XIII до начала XIV в. [21].

⁴ Комитопулы – потомки правителя западных болгарских земель комита Николы, возглавившие Болгарское царство после взятия Преслава Иоанном Цимисхием и детронации в Константинополе царя Бориса II.

⁵ В Драголевом сборнике помещены два кратких переводных текста – «Слово св. Ипполита Римского о толковании Даниила» и «Слово св. Ипатия Эфесского о том, когда скончание сего века будет». Отмечая предсказанное св. Иоанном Богословом «преполовление седьмой тысячи» (992 г.), эти тексты призывают быть готовым к концу света во всякий день и час [22, с. 187, 190].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев, С. В. Летопись попа Дуклянина / С. В. Алексеев. – СПб. : Петербургское востоковедение, 2015. – 288 с.

2. Билярски, И. «Сказание на Исаяя пророка» и формирането на политическата идеология на ранносредновековна България / И. Билярски. – София : ПАМ Пъблишинг Къмпани ООД, 2011. – 268 с.

3. Венедиков, И. Легендата за Михаил каган / И. Венедиков // Преслав. Т. II. – София : Наука и изкуство, 1976. – С. 179–204.
4. Георгиев, Е. Литературата на Втората Българска държава. Ч. 1. Литературата на XIII в. / Е. Георгиев. – София : Изд. на Българска акад. на науките, 1977. – 294 с.
5. Георгиев, Е. Литература на изострени борби в средновековна България / Е. Георгиев. – София : Изд. на Българска акад. на науките, 1966. – 321 с.
6. Гергова, Е. Химнографските произведения за западнобългарските анахорети като белег за култа към тях / Е. Гергова // Свети места на Балканите. – Благоевград : Лице, 1996. – С. 31–37.
7. Евсеев, И. Книга пророка Даниила в древне-славянском переводе. Введение и тексты / И. Евсеев. – М. : Типография Г. Лиснера и Д. Собко, 1905. – 271 с.
8. Иванов, Й. Богомилски книги и легенди. Фототипно издание / Й. Иванов. – София : Наука и изкуство, 1970. – 400 с.
9. Иванов, С. А. Болгарская общественная мысль эпохи раннего средневековья / С. А. Иванов // Общественная мысль славянских народов в эпоху раннего средневековья. – М. : Рукописные памятники Древней Руси, 2009. – С. 9–30.
10. Истрин, В. М. Откровение Мефодия Патарского и апокрифические видения Даниила в византийской и славяно-русской литературах. Исследование и тексты / В. М. Истрин. – М. : Унив. тип., 1897. – 539 с.
11. Каймакамова, М. История и традиционна култура : (По данни на апокрифните летописи през XI–XIII век) / М. Каймакамова // В света на човека. Сборник в чест на проф. д.и.н. Иваницка Георгиева. Ч. 2. – София : УИ «Св. Климент Охридски», 2008. – С. 505–525.
12. Лавров, П. А. Апокрифические тексты / П. А. Лавров. – СПб. : Тип. Императ. акад. наук, 1899. – 162 с.
13. Милтенова, А. Историко-апокалиптични съчинения като литературен и историографски феномен / А. Милтенова // ТАНГРА : сборник в чест на 60-годишнината на акад. Васил Гюзелев. – София : УИ «Св. Климент Охридски», 2006. – С. 847–868.
14. Милтенова, А. Новооткрито българско историко-апокалиптично съчинение, отразяващо историческите събития през XIV–XV век / А. Милтенова // Българско Средновековие : Общество, власт, история : сборник в чест на проф. д-р Милияна Каймакамова. – София : УИ «Св. Климент Охридски», 2013. – С. 112–129.
15. Моллов, Т. Мит – епос – история : Старобългарските историко-апокалиптични сказания (992–1092–1492). Седма глава. История и квазиистория в борба за сакралната топография на българския космос: II. «Овче поле» / Т. Моллов. – Електрон. дан. – Варна : LiterNet, 2002. – Режим достъпа: https://liternet.bg/publish/tmollov/mei/7_1.htm (дата обращения: 01.08.2018). – Заглавие с екрана.
16. Николов, А. Наблюдения върху цикъла старобългарски историко-апокалиптични творби от X–XI век / А. Николов // Palaeobulgarica/Старобългаристика. – 1997. – Т. XXI, № 1. – С. 91–107.
17. Николов, А. Между Рим и Константинопол: из антикатолическата литература в България и славянския православен свят (XI–XVII век) / А. Николов. – София : Фондация «Българско историческо наследство», 2016. – 353 с.
18. Статева, Е. «Тълкувание Даниилово» : Българският сценарий за «края на света» (X век) / Е. Статева // Балканите и светът : Modus concurrendi. – София : Ин-т по балканистика с център по тракология, 2014. – С. 97–106.
19. Степанов, Ц. В очакване на края. Европейски измерения : Ок. 950 – ок. 1200 г. / Ц. Степанов. – София : УИ «Св. Климент Охридски», 2016. – 383 с.
20. Трендафилов, Х. Българският апокрифен летопис и Мавро Орбини / Х. Трендафилов. – Шумен : [б. и.], 2016. – 60 с.
21. Турилов, А. А. Драголя попа сборник / А. А. Турилов // Православная энциклопедия. Т. XVI. – М. : ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2007. – С. 121–122.
22. Тъпкова-Заимова, В. Историко-апокалиптичната книжнина във Византия и в средновековна България / В. Тъпкова-Заимова, А. Милтенова. – София : УИ «Св. Климент Охридски», 1996. – 382 с.
23. Шиваров, Н. Старозаветната есхатология – поява, развитие и значение (Православно библистично изследване) / Н. Шиваров // Годишник на Софийския университет «Св. Климент Охридски». Богословски факултет. Нова серия. – 1996. – Т. III. – С. 67–159.
24. Шиваров, Н. Есхатологични представи в старобългарски писмени творения в края на първото хилядолетие. Характеристика и задачи в изследванията / Н. Шиваров // Средновековна християнска Европа : Изток и Запад. Ценности, традиции, обичуване. – София : ИК «Гутенберг», 2002. – С. 291–304.
25. Alexander, P. The Byzantine Apocalyptic Tradition / P. Alexander. – Berkeley : Univ. of California Press, 1985. – 240 p.
26. Baun, J. Tales from another Byzantium. Celestial journey and local community in the Medieval Greek Apocrypha / J. Baun. – Cambridge ; New York ; Melbourne : Cambridge Univ. Press, 2007. – 460 p.
27. Di Tommazo, L. History and Apocalyptic Eschatology : A reply to J. Y. Jindo / L. Di Tommazo

// *Vetus Testamentum*. – 2006. – Vol. 56, Fasc. 3. – P. 413–417.

28. Di Tommazo, L. *Apocalypticism, Millennialism, and Messianism* (Oxford Bibliographies) / L. Di Tommazo. – Electronic data. – Mode of access: <http://www.oxfordbibliographies.com/view/document/obo-9780195396584/obo-9780195396584-0147.xml> (date of access: 08.06.2018). – Title from screen.

29. *Gesta Regum Slavorum*. T. I / ed. T. Živković. – Beograd : Čigoja Štampa, 2009. – X, 192 p.

30. Magdalino, P. *The End of Time in Byzantium* / P. Magdalino // *Endzeiten. Eschatologie in den monotheistischen Weltreligionen*. – Berlin : W. de Gruyter, 2008. – P. 119–133.

31. Miltenova, A. *Historical Apocalypses in Medieval Bulgarian Literature (10th–14th Centuries)* / A. Miltenova // *The Armenian Apocalyptic Tradition : A Comparative Perspective. Essays Presented in Honor of Professor Robert W. Thomson on the Occasion of His Eightieth Birthday*. – Leiden ; Boston : Brill, 2014. – P. 706–729. – DOI: https://doi.org/10.1163/9789004270268_032.

32. Tăpkova-Zaimova, V. *Historical and apocalyptic literature in Byzantium and medieval Bulgaria* / V. Tăpkova-Zaimova, A. Miltenova. – Sofia : Iztok-Zapad, 2011. – 605 p.

REFERENCES

1. Alekseev S.V. *Letopis popa Duklyanina* [The Chronicle by Presbyter of Dioclea]. Saint Petersburg, Peterburgskoe vostokovedenie Publ., 2015. 288 p. (in Russian).

2. Bilyarski I. *“Skazanie na Isaya proroka” i formiraneto na politicheskata ideologiya na rannosrednovekovna Balgariya* [The Tale by Prophet Isaiah and the Formation of Political Ideology in Early Medieval Bulgaria]. Sofia, PAM Publishing Company Publ., 2011. 268 p. (in Bulgarian).

3. Venedikov I. *Legendata za Mihail kagan* [The Legend of Michael Kagan]. *Preslav. Vol. 2*. Sofia, Nauka i izkustvo Publ., 1976, pp. 179–204. (in Bulgarian).

4. Georgiev E. *Literaturata na Vtorata Balgarska darzhava. Pt. 1. Literaturata na XIII v.* [Literature of the Second Bulgarian State. Part 1. Literature of the 13th c.]. Sofia, Izdatelstvo na Balgarska akademiya na naukite Publ., 1977. 294 p. (in Bulgarian).

5. Georgiev E. *Literatura na izostreni borbi v srednovekovna Bulgaria* [Literature on the Acute Struggle in Medieval Bulgaria]. Sofia, Izdatelstvo na Balgarska akademiya na naukite Publ., 1966. 321 p. (in Bulgarian).

6. Gergova E. *Himnografskite proizvedeniya za zapadnobalgarskite anahoreti kato beleg za kulta kam tyakh* [Hymnographic Works on the Bulgarian Hermits

as a Sign of Their Cults]. *Sveti mesta na Balkanite* [Holy Places on the Balkans]. Blagoevgrad, Lice Publ., 1996, pp. 31–37. (in Bulgarian).

7. Evseev I. *Kniga proroka Daniila v drevne-slavyanskom perevode. Vvedenie i teksty* [The Book of Prophet Daniel in Old Slavonic Translation. Introduction and Texts]. Moscow, Tip. G. Lissnera i D. Sobko Publ., 1905. 271 p. (in Russian).

8. Ivanov J. *Bogomilski knigi i legendi. Fototipno izdanie* [The Bogomils' Books and Legends]. Sofia, Nauka i izkustvo Publ., 1970. 400 p. (in Bulgarian).

9. Ivanov S.A. *Bolgarskaya obshchestvennaya mysl epokhi rannego srednevekovya* [The Bulgarian Social Thought of the Early Medieval époque]. *Obshchestvennaya mysl slavyanskikh narodov v epokhu rannego srednevekovya* [The Slavic Peoples' Social Thought in the Early Medieval époque]. Moscow, Rukopisnye pamyatniki Drevney Rusi Publ., 2009, pp. 9–30. (in Russian).

10. Istrin V.M. *Otkrovenie Mefodiya Patarskogo i apokrificheskie videniya Daniila v vizantiyskoy i slavyano-russkoy literaturakh. Issledovanie i teksty* [The Revelation by Methodius of Patara and Apocryphal Visions of Prophet Daniel. Research and Texts]. Moscow, Universitetskaya tipografiya Publ., 1897. 539 p. (in Russian).

11. Kaymakamova M. *Istoriya i traditsionna kultura (Po dannii na apokrifnitate letopisi prez XI–XIII vek)* [History and Traditional Culture according to the Apocryphal Chronicles of the 11th–13th cc.]. *V sveta na choveka. Sbornik v chest na prof. d.i.n. Ivanichka Georgieva. Ch. 2* [In the Human World. Miscellany in Honor of Prof. Dr. Ivanichka Georgieva. Part 2]. Sofia, Sv. Kliment Ohridski Publ., 2008, pp. 505–525. (in Bulgarian).

12. Lavrov P.A. *Apokrificheskie teksty* [Apocryphal Texts]. Saint Petersburg, Tipografiya Imperatorskoy akademii nauk Publ., 1899. 162 p. (in Russian).

13. Miltenova A. *Istoriko-apokaliptichni sacheneniya kato literaturne i istoriografski fenomen* [Historical Apocalyptic Works as Literary and Historiographical Phenomena]. *TANGRA. Sbornik v chest na 60-godishninata na akad. Vasil Gyuzelev* [TANGRA. Miscellany in Honor of the 60th Anniversary of Academician Vasil Gyuzelev]. Sofia, Sv. Kliment Ohridski Publ., 2006, pp. 847–868. (in Bulgarian).

14. Miltenova A. *Novootkrito balgarsko istoriko-apokaliptichno sachenie, otrazyavashto istoricheskite sabitiya prez XIV–XV vek* [Newly Discovered Bulgarian Historical Apocalyptic Work Reflecting Historical Events in the 14th–15th cc.]. *Balgarsko Srednovekovie: obshtestvo, vlast, istoriya. Sbornik v chest na prof. d-r Miliyana Kajmakamova* [Bulgarian Middle Ages: Society, Power, History.

Miscellany in Honor of Prof. Dr. Milyana Kaimakamova]. Sofia, Sv. Kliment Ohridski Publ., 2013, pp. 112-129. (in Bulgarian).

15. Mollov T. *Mit – epos – istoriya. Starobalgarskite istoriko-apokaliptichni skazaniya (992–1092–1492)* [Myth – Epics – History. Old Bulgarian Historical Apocalyptic Tales (992-1092-1492)]. Varna, LiterNet Publ., 2002. URL: https://liternet.bg/publish/tmollov/mei/7_1.htm (accessed 1 August 2018). (in Bulgarian).

16. Nikolov A. Nablyudeniya varhu cikala starobalgarski istoriko-apokaliptichni tvorbi ot X–XI vek [Observations on the Cycle of Old Bulgarian Historical Apocalyptic Works of the 10th–11th cc.]. *Palaeobulgaria/Starobulgaristika*, 1997, vol. XXI, no. 1, pp. 91-107. (in Bulgarian).

17. Nikolov A. *Mezhdurim i Konstantinopol: iz antikatolicheskata literatura v Balgariya i slavyanskiya pravoslaven svyat (XI–XVII vek)* [Between Rome and Constantinople: from anti-Catholic Literature in Bulgaria and Orthodox World (11th–17th cc.)]. Sofia, Bulgarsko istoricheskoto nasledstvo Publ., 2016. 353 p. (in Bulgarian).

18. Stateva E. «Talkuvanie Daniilovo»: balgarskiyat scenariy za «kraya na sveta» (X vek) [Daniel's Exegesis: the Bulgarian Script of the End of the World (10th c.)]. *Balkanite i svetat: modus concurrandi* [The Balkans and the World: Modus Concurrandi]. Sofia, Institut po balkanistika s centar po trakologiya Publ., 2014, pp. 97-106. (in Bulgarian).

19. Stepanov C. *V ochakvane na kraya. Evropeyski izmereniya: ok. 950–ok. 1200 g.* [Awaiting the End: European Dimensions: 950-1200] Sofia, Sv. Kliment Ohridski Publ., 2016. 383 p. (in Bulgarian).

20. Trendafilov H. *Balgarskiyat apokrifen letopis i Mavro Orbini* [The Bulgarian Chronicle and Mauro Orbini]. Shumen, 2016. 60 p. (in Bulgarian).

21. Turilov A.A. Dragolya popa sbornik [The Miscellany of Priest Dragol]. *Pravoslavna entsiklopediya* [Orthodox Encyclopaedia]. Moscow, Pravoslavna entsiklopediya Publ., 2007, vol. XVI, pp. 121-122. (in Russian).

22. Tapkova-Zaimova V. *Istoriko-apokaliptichnata knizhnina vav Vizantiya i v srednovekovna Balgariya* [Historical and Apocalyptic Literature in Byzantium and Medieval Bulgaria]. Sofia, Sv. Kliment Ohridski Publ., 1996. 382 p. (in Bulgarian).

23. Shivarov N. Starozavetnata eshatologiya – pojava, razvitiye i znachenie (Pravoslavno

bibleistichno izsledvane) [The Old Testament Eschatology: Emergence, Development and Significance]. *Godishnik na Sofijskiya universitet "Sv. Kliment Ohridski". Bogoslovski fakultet. Nova seriya* [Yearbook of Sofia University "St. Clement of Ohrid". Theology Department. New Series], 1996, vol. III, pp. 67-159. (in Bulgarian).

24. Shivarov N. Eshatologichni predstavi v starobalgarski pismeni tvoreniya v kraya na parvoto hilyadoletie. Harakteristika i zadachi v izsledvaniyata [Eschatological Representations in Old Bulgarian Written Works in the End of the First Millennium]. *Srednovekovna hristiyanska Evropa: iztok i zapad. Tsennosti, traditsii, obshtuvane* [Medieval Christian Europe: East and West. Values, Traditions, Communication]. Sofia, Gutenberg Publ., 2002, pp. 291-304. (in Bulgarian).

25. Alexander P. *The Byzantine Apocalyptic Tradition*. Berkeley, University of California Press, 1985. 240 p.

26. Baun J. *Tales from another Byzantium. Celestial journey and local community in the Medieval Greek Apocrypha*. Cambridge; New York; Melbourne, Cambridge University Press, 2007. 460 p.

27. Di Tommazo L. History and Apocalyptic Eschatology: a Reply to J. Y. Jindo. *Vetus Testamentum*, 2006, vol. 56, fasc. 3, pp. 413–417.

28. Di Tommazo L. *Apocalypticism, Millennialism, and Messianism (Oxford Bibliographies)*. URL: <http://www.oxfordbibliographies.com/view/document/obo-9780195396584/obo-9780195396584-0147.xml> (accessed 8 June 2018).

29. Živković T., ed. *Gesta Regum Slavorum. Vol. I*. Beograd, Čigoja Štampa, 2009. X, 192 p.

30. Magdalino P. The End of Time in Byzantium. *Endzeiten. Eschatologie in den monotheistischen Weltreligionen*. Berlin, W. de Gruyter, 2008, pp. 119-133.

31. Miltenova A. Historical Apocalypses in Medieval Bulgarian Literature (10th–14th Centuries). *The Armenian Apocalyptic Tradition: a Comparative Perspective. Essays Presented in Honor of Professor Robert W. Thomson on the Occasion of His Eightieth Birthday*. Leiden; Boston, Brill, 2014, pp. 706-729. DOI: https://doi.org/10.1163/9789004270268_032.

32. Tăpkova-Zaimova V., Miltenova A. *Historical and apocalyptic literature in Byzantium and medieval Bulgaria*. Sofia, Iztok-Zapad, 2011. 605 p.

Information about the Author

Dmitriy I. Polyvyannyu, Doctor of Science (History), Professor, Head of Interuniversity Center of Education in Humanities, Ivanovo State University, Ermaka St., 39, 153025 Ivanovo, Russian Federation, dipol53@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3680-5508>

Информация об авторе

Дмитрий Игоревич Польшаный, доктор исторических наук, профессор, руководитель Межвузовского центра гуманитарного образования, Ивановский государственный университет, ул. Ермака, 39, 153025 г. Иваново, Российская Федерация, Российская Федерация, dipol53@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3680-5508>